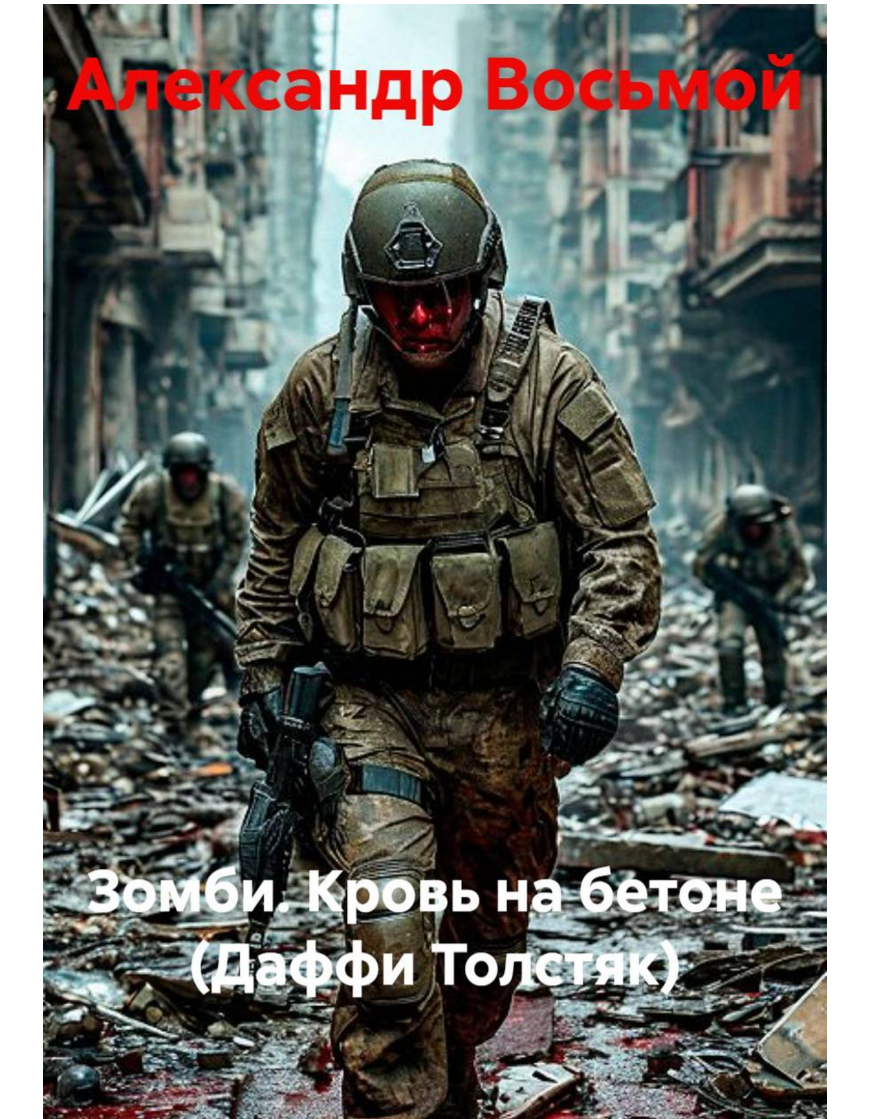

Александр Восьмой

A soldier in full combat gear, including a helmet with a red visor and a tactical vest, is walking through a city street covered in rubble and blood. Other soldiers are visible in the background.

Зомби. Кровь на бетоне
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой

Зомби. Кровь на бетоне

(Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74175612>

SelfPub; 2026

Аннотация

ЗОМБИ. Кровь на бетоне: последний рубеж. Город превратился в лабиринт из руин и мертвецов. Отряд спецназа должен пробиться через кварталы, где каждый подъезд — ловушка, а каждый поворот грозит встречей с ордой. В центре сюжета — капитан, который должен не просто выжить, а доставить носитель с данными, от которых зависит судьба уцелевших. Атмосфера безысходности, жёсткие схватки и моральные дилеммы.

Александр Восьмой

Зомби. Кровь на бетоне

(Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тени в руинах: первый контакт»

Город умер не в один миг — он угасал долго, болезненно, будто кто-то медленно перекрывал ему кислород. Теперь от него остались лишь руины, похожие на рёбра гигантского зверя, обглоданные временем и войной. Улицы были завалены обломками бетона и искорёженным металлом, а воздух, тяжёлый и серый, пропитался пеплом и запахом ржавчины. Он оседал на броне, въедался в лёгкие, заставлял кашлять даже сквозь фильтры.

Отряд спецназа двигался по маршруту, который на карте ещё значился как «жилой квартал», а теперь был просто лабиринтом из развалин. Каждый шаг отдавался глухим эхом, и это эхо казалось чужим, враждебным — будто город не просто молчал, а прислушивался. Капитан шёл впереди, не торопясь, но и не замедляясь: он знал, что в таких местах любая нерешительность стоит жизни. В нагрудном кармане, прижатый к груди, лежал носитель с данными — небольшой чип, почти невесомый, но от него зависела судьба тех немногих, кто ещё дышал за пределами этого мёртвого места.

— Подтверждаю: носитель при мне, — коротко бросил

капитан в рацию. Голос прозвучал сухо, без эмоций, но в нём чувствовалась тяжесть ответственности. — Двигаемся по плану. Держим строй.

Ответ пришёл с задержкой, пробившись сквозь треск помех:

— Принято. Удачи, капитан.

Это «удачи» прозвучало почти как прощание.

Они вошли в полуразрушенный супермаркет — когда-то здесь кипела жизнь, звенели кассы, пахло свежей выпечкой. Теперь это был склеп с пустыми полками и разбитыми витринами. Свет пробивался сквозь дыры в крыше, рисуя на полу косые полосы, похожие на решётки. Тени здесь были гуще, плотнее, будто впитывали в себя остатки прошлого.

И в этих тенях что-то двигалось.

Сначала это был лишь шорох — лёгкий, едва уловимый, похожий на скрежет когтей по бетону. Потом — хриплый выдох, будто кто-то пытался вспомнить, как дышать. И наконец — движение. Из-за стеллажа с облупившимися ценниками выскользнула фигура: неестественно быстрая, дёрганая, с глазами, в которых не осталось ничего человеческого. За ней — ещё одна. Ещё. И ещё.

— Контакт! — рявкнул капитан, срываясь на отработанный рефлекс. — Держать дистанцию! Не подпускать!

Выстрелы прозвучали резко, почти оглушающе в замкнутом пространстве. Пули находили цель, но твари не падали

сразу — они дёргались, продолжали ползти, рваться вперёд, будто боль только подстёгивала их ярость. Они действовали не как одиночки, а как стая: одна отвлекала, другая заходила сбоку, третья ждала момента, чтобы вцепиться в горло.

Бой был коротким, но жестоким. В нём не было места изяществу — только грубая, отчаянная эффективность. Приклад в плечо, смена магазина, короткий приказ, выстрел в упор. И всё это — под хрипы, скрежет и звон разбитого стекла, который сливался в какой-то безумный, хаотичный ритм.

А потом случилось то, что сломало привычный порядок.

Один из бойцов — молодой, ещё не успевший привыкнуть к запаху крови — на мгновение замешкался. Всего на секунду. Этого хватило. Тварь, которую он считал мёртвой, рванулась вперёд, когти полоснули по броне, зацепили рукав, прорвали ткань. Боец закричал — и этот крик оборвался слишком быстро.

Капитан увидел, как тело бойца рухнуло на пол, как из-под шлема потекла тёмная струйка. Он успел сделать два шага, чтобы подхватить, но понял: уже поздно. Время здесь текло иначе — оно растягивалось в моменты страха и сжималось до мгновения в моменты смерти.

— Отходим! — голос капитана звучал жёстко, без дрожи, хотя внутри всё кричало. — Назад к выходу! Держим периметр!

Они отступили, прикрывая друг друга, оставляя позади тело товарища — пока что просто оставляя, потому что за-

брать его сейчас было невозможно. В груди капитана что-то сжалось, но он не позволил себе остановиться. Здесь нельзя было останавливаться.

Когда они выбрались на улицу, воздух показался чуть чище, хотя пепел всё так же кружился в лучах тусклого солнца. Капитан остановился, тяжело дыша, и вдруг заметил странность.

Заражённые, которые преследовали их до самого выхода, теперь замерли у порога супермаркета. Они не рвались вперёд, не пытались догнать — они просто стояли, склонив головы, будто прислушивались. И тут капитан понял: каждый раз, когда в эфире звучал голос, они реагировали. Когда рация щёлкала, когда кто-то давал команду — они поворачивали головы, напрягались, будто звук был для них маяком.

Он медленно поднёс рацию к губам, но не стал говорить. Вместо этого он посмотрел на устройство, словно видел его впервые. Что-то в сигнале притягивало их. Может быть, частота. Может быть, сама структура передачи. А может быть, что-то ещё — то, о чём никто не догадывался.

— Всем отключить внешние динамики, — тихо, но отчётливо произнёс капитан. — Переходим на минимальную передачу. Только по необходимости.

В отряде повисла тишина — не та, что бывает в мёртвом городе, а другая, напряжённая, полная невысказанных вопросов. Но никто не стал спорить. Они уже поняли: этот город не просто мёртв. Он охотился. И звук был его приман-

кой.

Капитан последний раз взглянул на руины супермаркета, где остался один из них. В его глазах не было слёз — только холодная решимость. Миссия должна быть выполнена. Данные должны быть доставлены. Потому что если не они, то кто?

И он повёл отряд дальше — в глубь руин, туда, где тени становились всё гуще, а тишина — всё опаснее.

Глава 2. «Подземка: путь сквозь тишину»

Снаружи площадь казалась ловушкой — огромной, открытой, как арена, где каждый шаг виден из любой щели. Капитан провёл взглядом по руинам домов, по тёмным провалам окон, по кучам битого кирпича, и понял: идти напрямую — значит подписать отряду смертный приговор.

— Уходим под землю, — коротко бросил он, указывая на ржавую решётку, ведущую в метро. — По туннелям обойдём. Там хоть не видно.

Бойцы переглянулись. В их взглядах читалось не сомнение, а усталость — усталость от постоянного прицела, от ощущения, что за каждым углом ждёт смерть. Но приказ есть приказ. Они спустились вниз, туда, где бетон смыкался над головами, отрезая даже призрачный свет дня.

В подземке было темно, сыро и тихо — слишком тихо. Не та тишина, что бывает в пустом доме, а густая, вязкая, будто сама пустота здесь была живой и насторожённой. Фо-

нари выхватывали из мрака куски ржавых поручней, облупившуюся плитку, старые рекламные плакаты, на которых уже невозможно было разобрать лица. Воздух пах плесенью, мокрым бетоном и чем-то ещё — тяжёлым, металлическим, будто где-то рядом текла кровь.

Капитан шёл первым, держа автомат наготове, а свободной рукой касаясь стены — не столько для опоры, сколько чтобы чувствовать, что мир ещё существует, что он твёрдый, реальный. В нагрудном кармане тихо лежал носитель — холодный, маленький, но тяжёлый всей своей значимостью.

Они шли по переходу, и тишина давила на уши, вытесняя все мысли, кроме одной: здесь что-то есть. Что-то, что ждёт.

На стене кто-то вывел углём неровные буквы: «Они слышат шаги». Надпись была старой, но чёткой, будто её специально подновляли. Рядом — ещё одна: «Не кричи. Они придут».

— Кто это писал? — тихо спросил молодой боец, почти шёпотом, словно боялся, что звук улетит вперёд и приведёт за собой беду.

— Те, кто не дошёл, — ответил капитан, не оборачиваясь. — Значит, будем тише воды.

Дальше они нашли пустые пайки, смятые, но аккуратно сложенные в углу, будто кто-то пытался навести порядок даже в этом аду. Рядом — обрывки карты, на которой были отмечены «безопасные» коридоры, перечёркнутые красным. И ещё — несколько надписей мелом на полу: «Держи ритм»,

«Не останавливайся», «Они чувствуют паузу».

Эти слова действовали хуже крика. Они не пугали — они проникали под кожу, заставляя прислушиваться к каждому вдоху, к каждому шороху подошвы по мокрому бетону.

И вдруг тишина треснула.

Сначала это был один звук — лёгкий, едва уловимый, похожий на скрежет ногтя по стеклу. Потом — ещё один. И ещё. Они шли волнами, нарастая, сливаясь в единый, низкий гул, будто сама подземка начала дышать.

Из темноты впереди вырвалась первая фигура — быстрая, дёрганая, с неестественно вывернутыми суставами. За ней — вторая, третья, десятая. Они не бежали, а скользили, будто пол был для них родной стихией. Их глаза светились в полумраке тусклым, болезненным светом, а рты раскрывались в беззвучном рыке, который, казалось, звучал прямо в голове.

— Огонь! — рявкнул капитан, и этот крик разорвал тишину, как удар молнии.

Выстрелы прогремели в туннеле, отдаваясь эхом, которое множилось, отражалось от стен, возвращалось снова и снова, будто стреляли не люди, а сам лабиринт. Каждый выстрел звенел в ушах, каждый промах казался приговором. Пространство было слишком узким: нельзя было отступить, нельзя было развернуться, нельзя было ошибиться.

Один из бойцов зацепился за ржавый поручень, упал — и в ту же секунду к нему метнулась тварь. Капитан рванулся вперёд, выставя приклад, сбивая заражённого, но тот

лишь дёрнулся, будто не почувствовал удара, и снова рванулся вперёд. В тесном пространстве бой превратился в кошмар: удары, крики, скрежет когтей по броне, запах гари и крови, который мгновенно пропитал сырой воздух.

— Держи строй! — кричал капитан, хотя сам уже не был уверен, что его слышат. — Не разрывай линию!

Они отступали, прикрывая друг друга, шаг за шагом, пока не упёрлись в тупик — глухую стену, покрытую старыми объявлениями и паутиной. За ними нарастала волна заражённых, их становилось всё больше, их движения становились всё слаженнее, будто они действовали не как отдельные существа, а как часть единого, хищного организма.

Патроны таяли. Время таяло. Надежда таяла.

И тогда капитан принял решение — тяжёлое, горькое, но необходимое.

— Бросить снаряжение! — крикнул он, срывая с себя тяжёлый бронежилет, оставляя только самое нужное: оружие, магазины, носитель. — Всё лишнее — на пол! Нам нужно двигаться быстрее!

Бойцы колебались лишь мгновение. Потом начали сбрасывать рюкзаки, ящики с боеприпасами, запасные магазины — всё, что замедляло. Это было как предательство: бросить то, что спасало жизнь, ради шанса на ещё несколько минут. Но другого выхода не было.

— Вперёд! — капитан указал на узкий проход, который раньше казался слишком тесным, чтобы туда лезть. Теперь

это был единственный путь. — Держим темп! Не останавливаемся!

Они рванулись вперёд, протискиваясь между ржавыми балками, цепляясь за выступы, падая и снова поднимаясь. Заражённые неслись следом, их хрипы и скрежет сливались в единый, безумный хор, который гнал отряд вперёд, как пламя гонит зверя.

В какой-то момент капитан оглянулся — и увидел, как один из бойцов, тот самый молодой, что спрашивал про надписи, замешкался, пытаясь подобрать упавший магазин. В ту же секунду тварь метнулась к нему. Капитан рванулся, но расстояние было слишком большим. Он успел только выкрикнуть: «Не останавливайся!» — и боец понял. Он бросил магазин, рванулся вперёд, проскочив в щель буквально за мгновение до того, как когти царапнули воздух там, где он только что стоял.

Когда они наконец вырвались из туннеля в более широкий зал, где когда-то была станция, все тяжело дышали, будто только что вынырнули из воды. В груди жгло, в ушах звенело, а руки дрожали от напряжения. Но они были живы. Пока живы.

Капитан остановился, прислонившись к колонне, и посмотрел на отряд. На их лицах была не радость, а опустошение — опустошение от того, сколько пришлось оставить, сколько пришлось бросить, сколько раз они были на волоске.

— Мы потеряли темп, — тихо сказал он, скорее себе, чем

им. — Но мы живы. А значит, миссия продолжается.

Он коснулся кармана, где лежал носитель, и на мгновение прикрыл глаза. Впереди был ещё долгий путь, и каждый следующий шаг мог стать последним. Но сейчас они выиграли немного времени. Немного тишины. Немного жизни.

А тишина в подземке уже снова становилась густой, тяжёлой, насторожённой — будто она ждала, когда отряд снова сделает ошибку. И капитан знал: в следующий раз она не будет такой милосердной.

Глава 3. «Разлом: когда стены падают»

Старый жилой квартал стоял, будто застывший в последнем вздохе. Пятиэтажки с пустыми глазницами окон напоминали скелеты, обтянутые облупившейся штукатуркой. Каждый шаг по растрескавшемуся асфальту отдавался глухим эхом, и это эхо звучало как предупреждение. Капитан шёл впереди, не поднимая головы — он смотрел на трещины в стенах, на перекошенные балконы, на свисающие провода, похожие на жилы мёртвого существа. Здесь всё было готово обрушиться от одного неверного движения.

— Держим дистанцию, — тихо бросил капитан, не оборачиваясь. — Никаких резких манёвров. Любое сотрясение может стать спусковым крючком.

Отряд двигался цепочкой, шаг в шаг, стараясь не задевать

даже покосившиеся столбы. Воздух был густым, пропитанным пылью и запахом тлена. Где-то вдалеке скрежетали металлические листы, будто город пережёвывал сам себя.

Они проходили мимо подъезда, когда случилось то, чего все боялись.

Сначала это был негромкий треск — лёгкий, почти незаметный, похожий на хруст сухой ветки под сапогом. Потом — глухой удар, от которого содрогнулась земля. И наконец — стон бетона, протяжный и страшный, как крик умирающего гиганта.

Стена дома надломилась, и часть здания пошла вниз. Кирпичи, бетонные плиты, арматура — всё это рушилось с оглушительным грохотом, поднимая облака пыли, которые мгновенно поглотили отряд. Капитан успел рвануть в сторону, инстинктивно прикрывая грудь, где лежал носитель. Остальные метнулись кто куда, пытаясь уйти от лавины обломков.

Но один из бойцов — тот самый молодой, что ещё недавно спрашивал про надписи в метро, — не успел. Его накрыло волной мусора: плита придавила ноги, балки перегородили путь, кирпичи осыпались сверху, словно злой дождь. Он закричал — и этот крик потонул в грохоте рушащегося дома.

— К нему! — рявкнул капитан, когда пыль немного осела.
— Быстро!

Бойцы бросились к заваленному товарищу, разгребая обломки голыми руками, ломая ногти, царапая кожу. Каждый кусок бетона казался непомерно тяжёлым, каждый сдвину-

тый кирпич — маленькой победой. Но времени не было.

Потому что шум обрушения был сигналом.

Из переулков, из тёмных подъездов, из щелей между домами начали выползать заражённые. Они двигались быстро, дёргано, будто сами вибрации земли подстёгивали их. Их становилось всё больше, они стягивались к месту обрушения, как стая к добыче. Хрипы сливались в низкий гул, который нарастал, перекрывая даже грохот падающих плит.

— Держите периметр! — крикнул капитан, одновременно помогая вытаскивать бойца. — Не дайте им подойти!

Автоматные очереди затрещали в воздухе, разрезая нарастающий гул. Пули находили цели, но заражённых было слишком много. Они не боялись смерти — они были смертью. Каждый выстрел отдавался эхом в пустом квартале, каждый промах грозил катастрофой.

Боец под завалами хрипел, пытаясь помочь, отталкивая куски бетона, но его силы таяли. Кровь сочилась из ран, смешиваясь с пылью, превращаясь в грязно-красную корку на коже.

— Ещё немного! — кричал капитан, хотя сам уже чувствовал, как мышцы горят от напряжения. — Ещё чуть-чуть!

Наконец, им удалось освободить его ноги. Боец застонал, но смог встать — хотя и опирался на товарищей всем весом. Он был жив. Но серьёзно ранен: переломы, глубокие порезы, кровопотеря. Каждый шаг для него теперь был пыткой.

А заражённые наступали. Их становилось всё больше.

Они уже не просто подходили — они рвались вперёд, чувствуя слабость, чуя кровь.

— Назад! — скомандовал капитан. — Отходим к арке! Там узкий проход — сможем сдержать их!

Отряд попятился, прикрывая друг друга, таща раненого. Он цеплялся за плечи товарищей, стискивал зубы, чтобы не кричать, но боль делала его медленным, неповоротливым. Каждый его шаг замедлял весь отряд, делал их уязвимыми.

Арка, к которой они стремились, казалась спасительным оазисом — узкий проход, где можно было держать оборону. Но чтобы до него добраться, нужно было преодолеть открытое пространство, где каждый метр был на виду.

И тут капитан понял: времени на раздумья не осталось.

Он остановился, на мгновение замер, чувствуя, как в груди сжимается что-то тяжёлое, холодное. Носитель с данными жёг карман, напоминая о миссии. О судьбе уцелевших. О том, что эти данные могут спасти тысячи жизней.

А раненый боец смотрел на него — не с упрёком, не с обидой, а с тихой, горькой покорностью. Он будто уже знал, что его оставят. Что миссия важнее.

Капитан сжал кулаки. И принял решение.

— Берём его, — коротко бросил он. — Несём. Любой ценой.

В отряде на секунду повисла тишина — не та, что бывает перед бурей, а та, что приходит после удара молнии: оглушённая, недоверчивая. Никто не ожидал этих слов. Никто

не думал, что капитан поставит жизнь одного выше успеха всей миссии.

Но спорить никто не стал.

Двое бойцов подхватили раненого, распределив его вес между собой. Капитан встал впереди, прикрывая путь. Они рванулись к арке, двигаясь так быстро, как только могли, неся на себе не только тело, но и груз ответственности.

Заражённые бросились следом, их хрипы превратились в яростный вой. Они прыгали, карабкались по обломкам, рвали вперёд, будто сама ярость гнала их быстрее. Одна тварь метнулась к раненому, вытянув когти, но капитан ударил прикладом, сбивая её с траектории. Другая рванулась сбоку — её срезал очередью один из бойцов. Третья, четвёртая, пятая...

Они вбежали в арку, втиснулись в узкий проход, где заражённые не могли напасть всей ордой. Здесь бой стал другим: не хаотичным, а выверенным. Каждый выстрел был на счету, каждый удар — решением. Они держались, отбиваясь, прикрывая раненого, который уже почти не держался на ногах.

Когда наконец волна заражённых отступила, оставив после себя лишь хрипы и скрежет вдали, отряд рухнул на землю, тяжело дыша. Раненый лежал на боку, бледный, с закрытыми глазами. Его пульс был слабым, неровным.

Капитан опустился рядом, коснулся его плеча — лёгким, почти осторожным движением, будто боялся сломать.

— Мы справились, — тихо сказал он, хотя сам не верил в

эти слова. — Мы тебя не бросили.

Раненый приоткрыл глаза, попытался улыбнуться, но улыбка получилась кривой, болезненной.

— Спасибо, — прошептал он. — Я... я думал, что...

Капитан не дал ему договорить.

— Ты жив, — твёрдо сказал он. — А значит, есть шанс.

Но в глубине души он понимал: это решение дорого обойдётся отряду. Раненый будет замедлять их. Каждый его стон, каждый шаг, требующий поддержки, будет стоить времени. А время здесь было самым редким и самым ценным ресурсом.

Капитан посмотрел на носитель в кармане, потом на своих бойцов — на их усталые, измученные лица, на кровь и пыль, покрывающие броню. Они потеряли темп. Они потеряли преимущество. Но они сохранили нечто большее — то, что делало их не просто отрядом, а командой.

— Встаём, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Нам ещё далеко. И мы должны дойти.

Отряд поднялся, помогая друг другу, поддерживая раненого. Они двинулись дальше, вглубь руин, туда, где тени становились всё гуще, а опасность — всё ближе. И каждый их шаг теперь был не просто движением вперёд — он был обещанием: никто не останется позади. Даже если цена этого обещания окажется невыносимо высокой.

Глава 4. «Перекрёсток смерти: цена одного реше-

ния»

Перекрёсток был словно вырезан из кошмара. Четыре улицы сходились здесь, как лезвия, и в центре этого креста застыла тишина — не пустая, а натянутая, звенящая, будто воздух сам по себе был заряжен угрозой. Асфальт растрескался, в щелях пробивалась сухая трава, похожая на седые волосы мертвеца. По обочинам валялись остовы машин, их ржавые бока отражали тусклый свет заката, превращая перекрёсток в декорацию для трагедии.

Капитан остановился, прижимаясь к остаткам бетонного ограждения. Он чувствовал, как под подошвами крошится камень, и это ощущение было неприятным — будто сама земля здесь была ненадёжной, готовой предать в любой момент. В кармане тихо лежал носитель, холодный и тяжёлый, как напоминание: они не могут задерживаться. Ни на секунду.

— Держим позиции, — прошептал капитан, хотя голос всё равно прозвучал слишком громко в этой звенящей тишине. — Осматриваем сектора. Никаких резких движений.

Бойцы рассредоточились, занимая укрытия за машинами и обломками стен. Их движения были точными, отработанными, но в глазах читалось напряжение — усталость накатывала волнами, и каждый новый рубеж давался тяжелее предыдущего. Раненый боец, которого они несли, теперь опирался на двоих товарищей, его лицо было бледным, губы сжаты, чтобы не стонать. Каждый его вдох казался слишком

громким.

И именно этот звук, возможно, стал спусковым крючком.

Сначала из-за сгоревшего автобуса вышла одна фигура. Но это был не обычный заражённый. Он был крупнее, массивнее, будто его тело раздулось от внутренней силы. Кожа натянулась до блеска, местами лопнув и покрывшись тёмными рубцами. Он двигался медленно, тяжело, но в каждом его шаге чувствовалась уверенность хищника, который знает, что добыча уже в ловушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.